
А. Н. ИЛЬИН

ПОТРЕБЛЕНИЕ И ЕГО ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье основное внимание уделяется проблеме взаимосвязи между растущим потреблением и экологическим кризисом. Также автор описывает неразрывно связанные с данной темой проблемы социального неравенства, вопиющей неэквивалентности потребления между развитыми и развивающимися странами, неконтролируемого притока мигрантов, упадка культуры и т. д.

Ключевые слова: потребление, экология, нравственность, культура, потребности.

Феномен потребления достаточно подробно представлен в научной литературе – философской, культурологической, социологической, психологической, экономической. Однако его описывают в основном в комплексном виде, без обращения внимания на частные аспекты потребительства. Потребительство – система общественного одурманивания, основанная прежде всего на знаках, обмен которыми бесконечно нарастает. Находясь в единой плоскости с явлением моды, оно, включая своих адептов в бессмысленный символический круговорот, унифицирует их индивидуальные качества. Потребительские тенденции ориентированы в первую очередь не на удовлетворение какой-то реальной потребности, а на возвышение социального статуса консьюмера в глазах окружающих посредством обладания дорогими гаджетами. Культура потребления, заставляющая субъекта выбирать «иметь» вместо «быть» в качестве основополагающего принципа жизнеустройства, – благодатная почва для создания фиктивных и полуфиктивных потребностей.

Кроме того, потребительский культ с присущим ему расточительством конституирует идеолого-поведенческую основу наступления экологической катастрофы, вероятность которой повышается вместе с повышением уровня траты ресурсов.

Философия и общество, № 2, апрель – июнь 2013 83–99

В противовес эсхатологичным концепциям о нерациональном использовании природными ресурсами выдвигается следующая теория. По мере истощения ресурсов их цена возрастает, что вызывает изменения в спросе и предложении. Потребители будут экономнее расходовать подорожавшее сырье и даже станут искать ему замену. Производители же, вдохновленные ростом цены, загорятся поиском новых месторождений, а также станут по максимуму извлекать ресурсы из известных месторождений. Те залежи нефти, которые было невыгодно разрабатывать при 10 долларах за баррель, обретут привлекательность при 50. Этих рыночных эффектов не учитывали авторы прямолинейных прогнозов, предсказывавшие истощение запасов ресурсов через 15–20 лет и т. п. По мере роста цены станут рентабельными иные источники данного сырья. По этой теории, ценовой механизм рынка уберезит нас от полного истощения запасов природных ресурсов.

Но моментально сократить потребление сырья и найти ему замену или разведать новые запасы невозможно. Готовиться нужно заранее, и для того чтобы мрачные прогнозы не оправдались, они должны иметь место. Но такая теория неверна, так как сколько бы люди ни сэкономили на ресурсах в дальнейшем, как дорого бы те ни стоили, они все равно конечны. Значит, рынок и цена не убергут от их исчезновения. А даже если и убергут, ресурсы станут по карману только самым богатым и привилегированным, и огромный разрыв в доходах и потребительских благах возрастет еще сильнее. Во время дефицита ресурсов не каждый сможет себе позволить то, что позволяет сейчас. Да и потребительская культура, в отличие от мрачных прогнозов, вместо экономии воспитывает желание тратить и тем самым выступает мощным барьером для претворения в жизнь описанной концепции. Соответственно актуализируются три основные проблемы, требующие решения как можно быстрее: 1) экологическая ситуация, связанная с колоссальным загрязнением природной среды; 2) конечность природных ресурсов; 3) расточительство, свойственное культуре потребления. Все эти проблемы взаимосвязаны в единое целое, что значительно затрудняет их решение. Во-первых, необходим поиск новых производственных технологий, с помощью которых появилась бы возможность безопасно использовать энергию (вовлечение чистых источников энергии).

Во-вторых, важна интенсивная разработка принципиально новых технологий, которые обеспечили бы не просто безопасность для окружающей среды, но и разумное использование ресурсов (вовлечение возобновляемых источников энергии). В-третьих, крайне необходимо активное воздействие на культурные ценности для их трансформации из потребительских в экономные.

Внедрение дизайна в производственный процесс, постоянное его изменение, конституирующее желание приобрести товар самой последней марки, создавало производство товаров кратковременного потребления, чтобы стимулировать все новые продажи. Не товар приспосабливается к нуждам потребителя, а нужды к товару. Культурное старение изделий происходит намного раньше их физического износа. То есть каждая новая модель какой-либо вещи, только что появившаяся на рынке, расценивается как научно-техническое изобретение, которое в обязательном порядке следует приобрести, – предмет массового обожания, фетиш. Похвастаться новым приобретением – святая обязанность. Чтобы быть просто одетым, нужен всего лишь один костюм, а чтобы быть просто модным, необходимо практически бесконечное количество костюмов.

Внутренняя псевдопотребность потреблять приводит к ускорению оборота товаров. Современная технократическая потребительская цивилизация ненасытна в принципе, а потому и антиприродна. Она расточает ресурсы так, что превращается во врага биосферы, природы, а заодно в паразита-самоубийцу, если рассматривать данное явление в глобальном, планетарном смысле. А сам научно-технический прогресс трансформируется в орудие убийства. Поэтому вполне оправданы прогнозы ученых о грядущей экологической катастрофе; «обглоданная» планета может серьезно отреагировать на безумное потребление. Отреагировать криком в попытке привлечь внимание жадного человека-потребителя, который, наплевав на экологию, перестал быть человеком разумным, который лихорадочным использованием ресурсов опережает жизнеспособность экосистемы.

Прогресс цивилизации оборачивается своим эрзацем. Появление все новых и новых гаджетов влечет за собой экологический упадок. Такие изобретения, как кулеры с чистой водой, всего лишь компенсируют утрату, которую влекут другие изобретения. Но эта

компенсация, разумеется, не равнозначна и, соответственно, не создает баланса между приобретением и утратой. Представляется, что следующим изобретением, которое дополнит собой продажу чистой воды, будет продажа чистого воздуха. Темпы роста загрязнения воздуха значительно опережают темпы его восстановления, так как вредное производство остается вредным, а зеленая площадь планеты сокращается путем вырубки лесов, постройки дорог, расширения мегаполисной среды и т. д.

Вода является универсальным природным ресурсом, без которого не могли бы зародиться различные формы жизни. В последние десятилетия дефицит пресной воды возникает в регионах, где он ранее не наблюдался, к тому же этот дефицит повсеместно усиливается. Гиперугнетение пресноводной экосистемы, обгоняющее ее самовоспроизводство, влечет изменения как в качественном, так и в количественном смысле. Страдают такие характеристики экосистемы, как биоразнообразие и биопродуктивность. Первая выражается в видовом количестве и в показателях внутривидового разнообразия. Вторая рассматривается с учетом производимой биомассы; но не вся биомасса является полезной, так как существуют вредные виды (типа водорослей), которые возникают вследствие загрязнения водоемов и приводят к нарушению экологического баланса. Конечно, человек всегда сбрасывал в воду вредные вещества, но загрязнения как такового не происходило, поскольку экосистема успешно боролась с антропогенным фактором и самоочищалась. Загрязняющее воздействие не превышало несущую емкость – предел воздействий на экосистему, превышение которого приводит к ее деградации. Однако сейчас наблюдается апогей загрязнения, который неуклонно ведет к самым неблагоприятным последствиям. Серьезная катастрофа происходит тогда, когда негативное воздействие на экосистему значительно превышает ее способность к самоочищению, ее так называемый ассимиляционный потенциал. Под негативным воздействием понимается не только прямое загрязнение, но и комплекс других факторов: забор воды, механическая обработка почвы и ее опустынивание, нарушение режима воспроизводства подземных вод и т. д. Экстенсивный путь развития, основанный на расширении ресурсной базы при сохранении используемых технологий (например, забор воды), ведет к ре-

сурсному обнищанию. А интенсивный, при котором потребление не растет, но увеличивается эффективность использования ресурсов и сокращаются затраты (например, путем водосберегающих технологий), способствует выходу из кризисного положения. Однако для общества потребления интенсивный путь развития выглядит утопичным, поскольку нуждается если не в снижении, то в «заморозке» уровня потребления, а потребительская идеология требует его роста. Осуществление интенсивной стратегии, выраженной в нормализации антропогенного воздействия на среду и экологизации производства и потребления, будет означать если не рождение нового общества, то глубинную трансформацию общества потребления в то, чем оно пока не является.

Россия, кстати, не считается вододефицитной страной. Но, несмотря на ее водоизбыточность, не стоит воспринимать проблему водообеспеченности в качестве псевдопроблемы, так как она касается всего мира в целом. К тому же в России хоть и наблюдается избыток воды (в количественном смысле), ее качество оставляет желать лучшего, о чем говорит высокий уровень загрязненности рек и озер. Видимо, обеспеченность этим ценным природным ресурсом в свое время создала определенный стереотип, позволяющий промышленным предприятиям бессистемно и совершенно неэкологично эксплуатировать воду и загрязнять земли в речных бассейнах.

Не так давно произошла грандиозная катастрофа в Мексиканском заливе, где вырвавшаяся наружу нефть грозила остановить и/или охладить Гольфстрим, что, в свою очередь, привело бы к масштабному климатическому сдвигу. Стремление экономического человека максимизировать прибыль путем выкачивания из планеты как можно большего количества нефти привело к тому, что *его жизнь ставит под вопрос не нехватка, а, наоборот, переизбыток ресурсов*. Золотая антилопа, превращая все в золото, грозитя слишком далеко завести этот алхимический процесс.

Почва – ресурс, столь же необходимый человеку, как воздух и вода. За исторический период человечество утратило огромное количество плодородных почв, это продолжается и сейчас. А между тем почва не только является поставщиком продуктов питания, но и выполняет множество различных функций для биосферы Зем-

ли. Почва – богатая обитель огромного разнообразия жизни планеты, и без сохранения почвы сохранить его невозможно. Загрязнение почв радионуклидами, нефтепродуктами, ядохимикатами особенно вредно, поскольку почва, в отличие от воздуха и воды, не рассеивает элементы отравляющих веществ, а поглощает их.

Экологическая катастрофа возможна, несмотря на идеи постмодернизма, согласно которым мы уже живем в постапокалиптическом обществе, что апокалипсис позади, что нашим апокалипсисом является наступление виртуального, которое лишает нас реального конца. Если эти постмодернистские воззрения относятся скорее к концу не самой реальности, а восприятия человеком и обществом реальной действительности (хотя философия постмодерна склонна к отождествлению реальности и ее восприятия), которая вытесняется потоками симулякров, то симулякризация на уровне потребления – угроза не только восприятия реальности, но и самой реальности.

В эпоху эскалации капитализма, выраженной в массовом потреблении, история регрессирует, перед ней теряется новый вектор движения. Человек долгое время вел борьбу с природой, породившей и кормившей его. Возомнив себя венцом творения, этот единственный из всех детей природы бунтарь действительно считал, будто отделение от природы ведет к прогрессу человечества. Сейчас, несмотря на очевидную ошибочность такого убеждения, процесс отдаления человека от природы происходит в более быстром темпе. Человек разумный породил человека потребляющего. Причем проекты, направленные против природы, зачастую санкционируются государством, – и не просто санкционируются, а в авторитарной форме внедряются в реальность; достаточно вспомнить получившее широкий общественный резонанс дело Химкинского леса.

Еще в эпоху фундированного христианством европейского Средневековья господствовало мировоззрение, согласно которому человек создан по образу и подобию божьему, и это привилегированное положение позволяет ему возвышаться над всем остальным миром, над природой.

В Новое время, когда появился культ индустриального разума, идеология антропоцентричного хозяйствования во Вселенной получила практическое техническое обеспечение. Однако человек стал раз-

рушать природу не в век потребления, не в век Нового времени и даже не во времена Средневековья. На протяжении всего своего существования человек успешно учился вырубать и выжигать леса и засорять природную среду, но ранее он, как правило, делал это по необходимости, для удовлетворения вполне реальных потребностей. Сейчас же борьба с природой происходит под лозунгом фиктивных потребностей, в угоду принципу «потребление ради потребления», своей целевой самозамкнутостью демонстрирующему и свою полную бессмысленность. Если в прошлые века процесс наступления человека на природу неуклонно нарастал, именно наше время (XX век) ознаменовало собой не только грандиозный научно-технический прогресс, но и максимальное разрушение экосистемы. В результате происходит невиданное ранее загрязнение воды, почвы и воздуха и подрыв основ существования многих видов рыб, птиц, животных и растений. Преодолевая суровость природы, человек стремительно множил свою численность, и вместе с тем снижал планетарное биоразнообразие. Культура потребления требует увеличения производства, для чего необходимо огромное количество сырья, добыча и переработка которого зачастую энергозатратна и разрушительна. Без примата экологии и этики над экономикой мы идем к катастрофе все более убыстряющимся шагом. Но, к сожалению, идеология потребления противоречит таким концептам, как экономия, солидарность, ограничение и аскетизм, а вместо них возвеличивает противоположный концепт – максималистскую и безответственную трату.

Явление вторичного использования природных ресурсов вступает в противоречие с образом жизни, основанным на трате. Вторичное использование ресурсов прослеживается на различных уровнях: от изготовления сухарей из невыброшенного черствого хлеба до демонтажа воздушного лайнера с извлечением еще пригодных приборов и разрезкой корпуса для последующей переплавки. Сгрудившиеся в военных портах отслужившие свое атомные подводные лодки – признак серьезного изъяна в теории, практике и экономике природопользования. Использование бумажной макулатуры позволяет при производстве одной тонны бумаги и картона экономить 4,5 м³ древесины, 200 м³ воды, в 2 раза снизить затраты электроэнергии. В 2–3 раза снижается себестоимость продукции.

15–16 взрослых деревьев остаются на корню. Из 1 т отходов полиэтилена получают 860 кг новых изделий, что экономит 5 т нефти. Утилизация – один из наиболее важных компонентов экологического поведения.

Несмотря на большую идеологическую силу мифа, согласно которому капитализм – венец гуманной цивилизации, гуманизмом уклад европейских стран и не пахнет. В середине XVIII в. только из ресурсов Индии Англия ежегодно извлекала доход в размере 2 миллионов фунтов стерлингов; уровень жизни англичан поддерживался за счет колоний. Лишь незначительная часть чернокожих рабов, которых везли в Америку, смогла пережить дорогу, большая часть умерла в пути. «Прогрессивный» Запад, в отличие от «отставших» стран, построил себя из материала колоний, которые жестко эксплуатировал. Это разве не паразитизм? Это высшее проявление построения своего счастья на несчастье других. Путь развития Запада по сути является тупиковым. Если даже мы отбросим в сторону моральный и правовой аспекты данной проблемы, то убедимся в том, что распространение потребительского стиля жизни «западоидов» на все человечество с неизбежностью натолкнется на экологические препятствия: ресурсов планеты на глобальное потребление просто не хватит. Хотя сейчас и говорят об огромных месторождениях на Луне гелия-3, 1 тонна которого дает столько же энергии, сколько 14 млн тонн нефти, пока неизвестно, чем закончится его добыча (если она и будет начата). Активный поиск новых ресурсов важен, но сам по себе, без совмещения с культурным переходом на непотребительские идеалы, он мало полезен.

Вообще принципы капиталистического производства, ориентированного на меркантильную прибыль как самоцель, несочетаемы с ориентацией на общественную полезность. Да и призывы следовать путем Запада противоречат реальной политической линии самого Запада, так как Европа целенаправленно разрушала островки капитализма, возникавшие в незападных странах. Все светлые мифы Запада о его свободе, быстром прогрессе экономики, культуры и цивилизации и т. д. лишь выглядят правдоподобными. Запад получил доступ к ресурсам огромной части планеты – тем ресурсам,

на которые он не имеет никакого права и которые отбирал насильственными способами. И сейчас он продолжает получать ресурсы с пространств, которыми не обладает, но именно потому, что продажные национальные правительства этому потворствуют. Нет никакого эквивалентного обмена, о чем свидетельствует постоянно возрастающая неэквивалентность отношений между метрополией и колонией. Третий мир выдает все больше и больше сырья, и при этом не богатеет, а нищает.

«...Потребление сырья в развивающихся странах в 5 раз меньше среднемирового и составляет всего лишь 10 тонн в расчете на одного человека, а в странах “золотого миллиарда” – в 25 раз больше (250 тонн), причем один американец ежегодно потребляет в 37 раз больше (370 тонн) сырья и материалов по сравнению с жителем развивающейся страны <...> На промышленно развитые страны ныне приходится около 2/3 мирового потребления стали, свыше 2/3 потребления алюминия, меди, свинца, никеля, олова, цинка и 3/4 объема потребления энергии, которое выросло в 5 раз, в то время как потребление нефти – в 7 раз. Среднестатистический житель промышленно развитой страны потребляет в 10 раз больше стали, в 12 раз больше топлива и в 15 раз больше бумаги, чем житель любой развивающейся страны, причем один американец за год потребляет товаров и услуг в 10 раз больше, чем китаец, и в 30 раз больше, чем индус <...> Потребление стали на душу населения выросло в XX столетии в 4 раза, меди – в 5 раз, бумаги – в 7 раз, бетона – в 16 раз, пластмасс – в 20 раз. В начале 90-х гг. количество кондиционеров в жилищах увеличилось в сравнении с 1950 г. в 4,7 раза (с 15 до 70 %), цветных телевизоров – в 9,5 раз (с 10 до 95 %). Граждане США владеют сегодня в 2 раза большим количеством автомобилей и в 25 раз чаще пользуются воздушным транспортом, чем в 1950 г. Автомобиль стал символом американской культуры: 20 % американских семей имеют 3 и более автомашин, а свыше 50 % семей – по крайней мере 2 автомобиля. Для обеспечения огромного количества автомобильного и авиационного транспорта в США ежегодно расходуется около 30 % мировой добычи нефти. Страна, население которой составляет всего лишь 5 % живущих ныне на планете людей, потребляет около 40 % ми-

ровых ресурсов»¹. Соотношение доходов 20 % самой богатой части населения планеты к 20 % самой бедной в 1960 г. было 30:1, в 1980 – 45:1, а в 1989 – 59:1. Причем страны Запада потребляют около 75 % всех ресурсов планеты и выбрасывают в окружающую среду примерно такой же процент отходов. Повышению производства для обеспечения возрастающего потребления неумолимо сопутствует рост загрязнения. Конечно, во многих источниках встречаются разные оценки, но все они указывают на то, что разрыв в доходах между бедными и богатыми странами продолжает расти. Богатые страны вбирают в себя всего лишь около 17 % населения, а бедные – все остальное; тенденция сокращения рождаемости в обеспеченных странах и ее роста в бедных продолжается. Учитывая сверхвысокий процент потребления ресурсов и загрязнения атмосферы «первым миром», учитывая то, что основной причиной планетарного кризиса является не столько перенаселенность, сколько техногенные нагрузки, связанные с научно-техническим прогрессом, целесообразно сделать следующий вывод: *именно странами «золотого миллиарда», а не огромным населением бедных стран, перенаселена планета. Давление на планету последних просто несопоставимо с давлением, оказываемым населением богатых и процветающих стран.*

В массовой литературе, часть которой претендует на научность, мустируется идея грядущего глобального потепления. Казалось бы, в ней приводятся хорошо аргументированные доводы в защиту данной концепции, однако многие ученые с ней категорически несогласны, считая, что потепление – это миф, придуманный специально какими-то структурами, которым он выгоден. Основной аргумент сводится к тому, что CO₂ оказывает влияние на климат и рост концентрации этого газа приводит к потеплению. Однако данная идея была опровергнута; оказывается, ранее, тысячи лет назад, были периоды, когда концентрация CO₂ достигала огромных масштабов, и это не вело к потеплению. Но ученые, выдвинувшие и доказавшие альтернативную концепцию, не получают финансирования, не имеют слова на каких-либо крупных конференциях,

---

¹ Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В. Homo Consumens – человек потребляющий // Век глобализации. – 2009. – № 2(4). – С. 149–159.

посвященных проблемам климатических изменений. Тем не менее предсказание о потеплении стало как недоказанным, так и распространенным убеждением, вызывающим чуть ли не панику в некоторых странах. Оно стало слишком удобным... Скорее всего, оно было сформировано для того, чтобы, видя в качестве причины якобы надвигающейся катастрофы человеческий фактор, затормозить процесс промышленного производства, а вместе с тем и развития некоторых стран. Экологические проблемы действительно в последнее время становятся все более актуальными и в своей совокупности ведут планету к катастрофе, которая, правда, вряд ли примет форму глобального потепления. Однако на этой почве было создано Киотское соглашение, обязывающее как развитые, так и развивающиеся страны сократить выбросы парниковых газов. Интересно, что США не стали присоединяться к данному документу, хотя доля их выбросов в атмосферу составляет 1/7 от общего количества выбросов. Преобладание империалистических американских мотивов, а также свойственных их корпорациям интересов «экономической целесообразности» идут рука об руку с искажением экологических приоритетов. Антиэкологические практики для мирового лидера выгодны, так как корпорации заинтересованы в экономии на природоохранных мерах; соблюдение экологических требований приведет к огромным потерям в бизнесе, чего США не может себе позволить, но пытается навязать другим.

Возникает дилемма мирового масштаба: богатые страны не желают поступиться своим потребительским образом жизни, а бедным просто необходим экономический рост, поддерживаемый за счет увеличения промышленного производства, уровень которого (и объем выбросов) не идет ни в какое сравнение с уровнем (и объемом выбросов) развитых стран. Мировой гегемон, ответственный за огромную долю загрязнения, абсолютно непропорциональную численности его населения, пытается наложить бремя ответственности за климатические изменения и решение этих проблем на тех, чей вклад в загрязнение природной среды намного ниже. Если бы все страны мира резко повысили уровень потребления до той отметки, которая свойственна США, планетарная катастрофа произошла бы внезапно. Соединенные Штаты вообще не приемлют

никаких международных ограничений для себя, но воздействовать на весь мир пытаются изо всех сил. Это доказывает не только наглость США, но и факт реагирования рынка непосредственно на краткосрочные перспективы, но не на долгосрочные интересы. Здесь заключается еще одно отличие капитализма от социализма – преобладание человека экономического над человеком разумным. Далеко не каждое действие человека основывается на разуме, так же как и далеко не вся деятельность человечества укладывается в рамки разума, поэтому стоит поставить под сомнение убежденность в том, что человечество живет именно в ноосферном пространстве.

К сказанному стоит добавить, что обязательства развитых стран ежегодно отчислять 0,7 % своего ВВП на охрану окружающей среды и помощь слаборазвитым странам, соответствующие решению Конференции ООН по окружающей среде 1992 г. в Рио-де-Жанейро, не выполняются. Те, кто благоденствуют (не только правительства развитых стран, но и многие погрязшие в коррупции политические элиты развивающихся стран), понимают необходимость изменения экологической ситуации – прежде всего не для будущего человечества, а для своего будущего. Но они желают возложить обязанность реализации этих изменений на чужие плечи, предпочитая оставаться в стороне.

Позднекапиталистическая эпоха, разгар которой именуется потреблением, характеризуется виртуализацией реальности и реализацией виртуальности. Собственно, реальность и виртуальность соединяются в странное хитросплетение, в котором трудно отделить реальность от потоков симулякров. Так, по мнению С. Жижека, реальная жизнь потребительства приобретает черты инсценированной подделки, призрачного шоу, где люди ведут себя как актеры, где мир наполняет реклама, где фантазм расширился до общественных размеров. Культовый фильм братьев Вачовски «Матрица» отлично показывает виртуализацию и ирреализацию реальности; думается, не случайно он появился именно в наше время.

Виртуализация, а точнее – симулякризация, затрагивает более частные аспекты потребительства, заменяя некоторые товары на подделки. Так, безалкогольное пиво, сахар без сахарозы, кофе без кофеина – подделки, которые, лишены своих прежних вредных

для человеческого организма качеств (алкоголь, сахар, кофеин), могут потребляться неограниченно. Именно в этом некоторые современные философы видят чуть ли не корень потребления – в том, что с приходом на рынок таких товаров-подделок прежняя (модернистская) умеренность в потреблении, этика самоконтроля и подавления влечений, стимулирующая воздержание от вредных веществ, сменилась неумеренностью. Мол, то, что стало безвредным, позволительно потреблять сколько угодно – продукты превратились в свои собственные отрицания. Об этом говорит С. Жижек в фильме «Реальность виртуального», где добавляет, что раньше целью психоанализа было снять с клиента чувство вины за его преступление против общественных запретов (и своего здоровья) ради наслаждения, а сейчас, наоборот, клиент чувствует вину за отсутствие наслаждения, и психоанализ призывает его стать собственным цензором, частично отказаться от наслаждения. Подобные рассуждения точны и остры, но вряд ли такому узкому феномену потребительской культуры, как товару, утратившему свою опасную суть, следует придавать большое значение. Ведь количество товаров, лишенных их первоначальной (опасной) сущности, не так уж велико, а если заводить речь в целом о потребительском рынке, то, наоборот, стоит глубоко задуматься о вреде очень многих товаров, напичканных химией, – от картофельных чипсов до шампуней.

Культура потребления способствует эгоизации человека. Если традиционные культуры, как правило, осуществляли сплочение людей, то потребительство актуализирует удовлетворение только своих, индивидуальных потребностей, что разрушает былое единство на разных уровнях – от семейных до профессиональных, от малых групп до больших. С идеалами типа «много потреблять, но мало производить» в социуме неуклонно рождаются лень и сверхвысокие запросы. Гедонизм разрушителен для нации своим потенциалом слодоэгоистического безволия; именно гедонизм послужил одной из причин падения Римской империи. В массовом сознании часто связывают выражения «консюмер» и «буржуй», но их отождествление в корне неправильно. Буржуазия как всеобщепотребительное понятие давно имеет негативную коннотацию. На самом деле буржуазия – это предпринимательская прослойка, которая, конечно, эксплуатировала низшие классы, но вместе с тем отлича-

лась особым трудолюбием и стремлением вложить каждую копейку в производство. Консьюмтариату же присущи противоположные качества.

«Идейный» потребитель не захочет работать вахтером, техничкой, врачом и т. д. Однако за низкооплачиваемую «черную» работу почти с радостью хватаются выходцы из бедных стран и прочие эмигранты – трудолюбивые, мало потребляющие, с низкими запросами. В итоге территориальный этнос перекладывает «черную», но все же необходимую для общества работу на эмигрантов, без которых уже обленившийся социум жить не может. Однако эти эмигранты, проживая на территории чужой страны, едва ли считаются с культурными устоями доминирующей национальной прослойки. Так, исламисты остаются исламистами, не приемлющими культурных ценностей русских и – мало того – считающими последних неверными. Образ жизни эмигрантов носит законсервированный субкультурный характер, которому свойственно неприятие русской культуры и неуважение к традициям и жизненным нормам коренного этноса. В России возможно серьезное изменение общественной структуры из-за сосуществования таких факторов, как отрицательный естественный прирост населения и демографический прирост за счет миграции. Следовательно, в обществе, готовом принять в свое лоно всякого, кто согласен «работать за еду», зреют гроздь гнева, которым для выплеска злости необходим только численный рост – кстати, с лихвой осуществляемый в том числе на уровне государственной политики. А если учесть вполне вероятную возможность природных катастроф, которыми планета отреагирует на «человеческий фактор», в слабую Россию может хлынуть целая волна обездоленных народов, которых природные катаклизмы сильно «тряхнут». И ясно, чего от этого стоит ожидать в будущем... Культура и без того находится далеко не в лучшем состоянии, образование «хромает», да еще «просвет» варваризации и конфликтности на межкультурном уровне говорит о своем возможном приближении.

Сегодня и без того достаточно большой миграционный поток очень слабо контролируется. В результате притока рабочей силы из других стран происходит сокращение рынка труда, снижение уровня заработной платы коренного населения, ущемление трудовых

прав российских граждан, рост безработицы, нарушение этнического баланса населения, ухудшение криминогенной и санитарно-эпидемиологической обстановки. Особого внимания заслуживает то, что эмигрантами совершается множество преступлений – изнасилования, торговля наркотиками, убийства, грабежи и т. д. В общем, все это ведет к еще большему углублению кризиса, охватывающего коренное население, и особенно усугубляет положение молодежи, формируя антистимулы для создания семьи и рождения детей. Мигранты ведь не только занимают рабочие места, не пользующиеся популярностью у местного населения, а своим присутствием создают условия, при которых работодатели скорее возьмут неприхотливых пришлых работников, чем местных. В том числе поэтому – из-за существования дешевой рабочей силы, а не только из-за статусной непрестижности – эти места не пользуются особым спросом (у нормальной, а не потребительски ориентированной прослойки общества). За прекращением потока миграции и, соответственно, исчезновением создаваемой ею конкуренции последовало бы снижение безработицы среди коренных жителей и увеличение заработных плат местным рабочим, у которых уровень квалификации в основном выше, чем у мигрантов. Но этого прекращения не предвидится. Пока государство и работодатели заинтересованы в дешевой и бесправной рабочей силе, обеспечивающей экономию на социальной защите и снижении производственных издержек, существуют ниши для трудоустройства эмигрантов – в том числе незаконного. Другим весомым фактором наличия этих ниш является плохая экономическая ситуация в странах исхода мигрантов, заставляющая их искать заработки за рубежом. Необходима защита национального рынка труда от бесконтрольного притока дешевой рабочей силы и усиление контроля за нелегальными мигрантами.

В результате молодежь условно делится на два класса, которые разделяет огромный разрыв в доходах: 1) консьюмеры, так называемая «золотая молодежь»; 2) малообеспеченное, и даже бедное, население. Самое примечательное то, что как первые, так и вторые не заинтересованы в семейной жизни и рождении потомства, что обязательно скажется на состоянии семейных ценностей в будущем и на демографическом развитии страны. Первых отвращает от цен-

ностей семьи потребительская культура, а вторых – малообеспеченное положение. Конечно, разрыв в доходах выступает следствием не только массового распространения потребительства и недостаточной эффективности управления миграционными процессами рабочей силы, но и крайней неэффективности государственной политики в целом и роста коррупции в среде государственных служащих разного ранга. Но и культура потребления вместе с тем играет важнейшую роль в увеличении коэффициента Джини.

Потребление является причиной и условием кризиса личности, общества и природы. Когда в обществе нарастает удельный вес апологетов меркантильного потребления, социум заражается этой идеологией, что в конечном счете приводит не только к самодеградации, но и к хищническому отношению к природным богатствам. Большая доля ответственности за ухудшение экологии должна возлагаться в первую очередь на государство, задача которого – стимулировать инвестиции в новые ресурсосберегающие и экологически чистые (биосферосовместимые) технологии. К ним прежде всего относятся проекты, связанные с использованием энергии солнца, ветра, приливов. Без грамотной не только государственной политики, но и совокупности государственных политик данную проблему решить невозможно. В борьбе с масштабным экологическим кризисом частно-государственных средств явно недостаточно. Экология стала общенациональной проблемой, и, соответственно, реализация экологических проектов требует совместных действий правительств всех стран.

Но эта проблема не является сугубо политической, а потому не поддается решению одними лишь политическими средствами. Не стоит также забывать о том, что смягчение экологической опасности связано с соответствующими сдвигами в мировоззрении и образе жизни. Заметим, что конституировать мировоззренческий переход от потребительских ценностей к ценностям умеренности, самоограничения и коллективизма у жителей развитых стран очень сложно. Они настолько глубоко интегрировались в жизнь представителей «welfare state» (или просто обществ, не являющихся благоденствующими, но пронизанных этой идеологией, как Россия), стали самой сутью человеческого существования, что с ходу подвергнуть их трансформации не представляется возможным. Поэтому

жители развивающихся и откровенно бедных стран, не привыкшие к роскоши, скорее всего, более лояльно относятся к факту каких-либо материальных потерь, которые необходимы для общего дела. Но этот тезис не означает бесполезности и тщетности культурных сдвигов в среде потребительских обществ; несмотря на трудность их осуществления, а также и благодаря этой трудности, просто необходимо сделать все возможное, чтобы потребительская идеология стала вчерашним днем в деле решения сегодняшних и завтрашних проблем, ибо сдержанность есть морально-психологический фундамент *планетарной выживаемости человечества*. Нельзя не согласиться с Л. Е. Грининым, когда он пишет: «По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (*limit*): роста, расхищения окружающей среды, вмешательства в живую природу, вооружения и т. д.».²

Совокупный результат всей человеческой деятельности не способствует повышению жизнеспособных свойств среды. Если подобное будет происходить далее, человек закрепит за собой статус не только убийцы биосферы, но и самоубийцы, поскольку он является частью этой биосферы, а не демиургом, способным подчинить себе природу. Необходимо создание не планетарной культуры, о которой много говорят и которая на практике сводится всего лишь к приведению многих культур к общему знаменателю, а планетарной экологической этики, которая будет построена на глубоком сходстве экологических ценностных ориентаций и должна привести к регулированию отношений по защите экологии человеком от самого себя. Помимо прочего, она должна работать, а не просто быть созданной. И работать явно не в одностороннем порядке, как происходит со многими соглашениями и конвенциями, а быть действующим результатом консолидированной воли мирового сообщества.

---

² Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. – 2008. – № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129828/>